

Леонид Авербух

Великие и большие

Есть личности здравствующие (их меньше...) и ушедшие, в отношении которых определения «великий», «классик», а то и «гений» стали общим местом, и это не подвергается сомнению на глобальном уровне. В полной мере такие определения относятся к нашему земляку, художнику Леониду Пастернаку (1862-1945), и его сыну, поэту и писателю Борису Пастернаку (1890-1960), родившемуся в Москве, но связанному с нашим городом, во всяком случае, в раннем периоде жизни, достаточно тесно. Очень трудно, скажем, сравнивать между собой столпов мировой поэзии, определять «ранговое» место каждого из них в этой плеяде бессмертных. Укажем лишь, что французские филологи считают Бориса Пастернака лучшим русским поэтом.

Как установил краевед и писатель Олег Губарь, родоначальник семьи Акива Пастернак приехал в Одессу в год ее основания, осенью 1794-го. Подпись деда Леонида и прадеда Бориса Пастернаков стоит под уставом одесского погребального братства, датированным 1795 годом. Семья Пастернак, указывает О. Губарь, пережила с этим городом все его взлеты и падения: войны, геноцид, погромы, эпидемии чумы и холеры.

Обширные семейные связи Пастернаков – Кауфманов – Фрейденбергов – Нейгаузов – Лурье – Еремеевых – Слейтеров – Вальтеров и др. – необыкновенно разветвленные и сложные. Обстоятельные научные биографии Леонида Осиповича и особенно Бориса Леонидовича более-менее известны любознательной публике. Однако до приезда в Одессу на церемонию открытия памятной доски Л.О. Пастернаку троих из многочисленных

Мемориальная доска в память о Л.О. Пастернаке, установленная на доме № 78 на Базарной улице, где жила его семья

Э. Пастернак-Слейтер, Е.Л. Пастернак и П.Е. Пастернак в Одессе. Ноябрь 2012

потомков художника я, читавший немало о великих Пастернаках, откровенно говоря, очень многого об отдельных представителях этих многолетних семей не знал, и только что прочитанная замечательная книга Дм. Быкова в серии ЖЗЛ «Борис Пастернак», высоко оцененная сыном и биографом поэта Евг. Пастернаком, не устранила эту неосведомленность.

Не могу не отметить здесь титанические усилия одесских краеведов проф. М.Б. Пойзнера, а также А.Ю. Розенбойма, сделавших возможным это знаковое событие в культурной жизни нашего города.

Стоя в толпе собравшихся в ноябре 2012 г. у дома № 78 на Базарной улице, я обратился к Евг. Голубовскому с просьбой хотя бы на расстоянии пред-

ставить мне гостей города, и он пояснил мне, что прибывшие – внучка художника Лиза Пастернак и его правнуки, дети сыновей Бориса Леонидовича Елена и Петр Пастернаки.

Ничего, кроме степени родства этих троих с великими предками, ни тогда, ни затем из сообщений одесских СМИ я не узнал.

Стоявший рядом незнакомый мне немолодой человек сказал тогда о гостях своему собеседнику: «Но это же «маленькие» Пастернаки...».

Позже мне удалось кратко пообщаться с гостями, и у меня появилась естественная потребность узнать, что же представляет собой каждый из них, из этих «маленьких» Пастернаков, помимо их близкого родства с титанами мировой культуры. Это

узнавание, связанное с изучением главным образом электронных источников на русских и английских сайтах Интернета оказалось весьма интересным.

Итак, седая дама оказалась дочерью младшей сестры Бориса Пастернака Лидии Леонидовны и Эл. Слейтера Лизой Пастернак-Слейтер (вариант транслитерации – Слэйтер), которую на самом деле зовут Энн, а Лиза она только для близких и русскоязычных друзей. Елизаветой, как ее прозвали некоторые наши СМИ, ее не называет никто.

Пройдя по этой ветви генеалогического древа семьи, уточняем, что ее мать Лидия Леонидовна Пастернак (1902-1989), родилась в Москве. Любому, кто хоть чуть-чуть знаком с биографией Бориса Леонидовича Пастернака, понятно, в атмосфере какой высокой культуры и интеллигентности прошли ее детство и юность. В 1921-м Лидия вместе с родителями и сестрой Жозефиной выехала в Берлин, как тогда казалось, совсем ненадолго.

В 1926 г. она окончила химический факультет Берлинского университета и стала работать в Мюнхенском институте психиатрии; получила докторскую степень по биохимии. В начале 1930-х перешла в лабораторию психиатрии Института кайзера Вильгельма в Берлине (в той же группе работал Н. Тимофеев-Ресовский). В 1935 вышла замуж за своего коллегу по университету Элиота Слейтера и переехала на его родину в Англию. В своем доме в Оксфорде Лидия давала приют самым разнообразным людям – беженцам из фашистской Германии и Польши, бездомным поэтам и художникам. В Англию переехали также старшая сестра Жозефина и родители. Лучшую комнату «с северным светом» Лидия отвела отцу под мастерскую, где он много и плодотворно работал. Воспитывала своих четверых детей. После войны завязываются ее связи с русской колонией в Оксфорде, дружба с университетскими славистами, профессорами Н. Зерновым, Г. Катковым и др. Она уделяла много сил и времени изданию английского перевода прозы Бориса Пастернака. Всю свою жизнь Лидия писала стихи на русском и на английском языках. Приведу лишь одну из ее небольших лирических зарисовок.

Закат

Из окна поезда

Внизу – расплавленным кармином,
По-зимнему зловещ и жгуч,
Горит закат неукротимо.
Клубок лилово-серых туч
Повыше, он измазан, шалый,
Толченым жарким кирпичом,
Который еще с час, пожалуй,
Пылать в Геенне обречен.
А там, где над курчавой ватой
Прорвался – холоден и чист –
Небес отрезок, там заката
Тон розовато-золотист...

Эта фотография, которую я выудил с английского сайта, снабжена надписью: «Семья Пастернак. Второй слева во втором ряду Борис Пастернак, сидит справа Лидия Пастернак»

Очевидно, остальные – это Леонид Осипович, Розалия Исидоровна, Александр и Жозефина Пастернак. Кем является пожилая дама в центре группы – мне неизвестно.

Исходя из примерного возраста младших, можно предположить, что она сделана либо перед самым отъездом семьи из Москвы, или в Берлине. Однако там, в Берлине, Б.Л. Пастернак провел почти год в 1922-1923 гг. вместе с первой женой Е.В. Лурье, которой нет на фотографии

Поэтическое мастерство, умение облечь в четкую форму поэтические образы особенно пригодились, когда Лидия начала переводить стихи брата Бориса (первая книга вышла в 1958; в 1963 и 1984 изда ны сборники с предисловием Лидии).

Как свидетельствуют специалисты, переводы Лидии поражают гармоническим и образным сходством с оригиналом, в них слышна звуковая форма русского стихотворения, удивительное проникновение в знакомую ей с детства манеру выражения мысли поэтом.

С 1956 года Лидия была доверенным лицом брата в делах английских изданий.

Летом 1959 года она провела целый месяц в Америке, куда ее пригласили с лекциями и чтением своих переводов.

Впервые побывать в советской России, по которой она тосковала, ей довелось спустя тридцать девять лет после отъезда из Москвы. Дело происходило в страшные июньские дни 1960-го, когда в подмосковном Переделкино умер ее брат, которого, особенно после его вынужденного отказа от Нобелевской премии, знал весь мир. Перед смертью была послана телеграмма в Оксфорд. Поэт хотел проститься с близкими, но все метания Лидии перед воротами советского консульства были напрасны. Визу ей дали только через два дня после похорон.

После смерти Бориса она ежегодно приезжала в Москву, стала переводить на английский стихи А. Ахматовой, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, публиковала их в разных английских журналах. Устраивала вечера русской поэзии в Пушкинском клубе в Лондоне и разных университетах Англии. Ее выступление в Карнеги-Холле в Нью-Йорке прошло с большим успехом.

Лидия Леонидовна Пастернак. Последнее фото

Английские стихи Лидии вышли в книге «Before Sunrise» (Лондон, 1971), русские – в Женеве в 1974. Ее стараниями через год вышел сборный том воспоминаний, очерков и переводов о семье Пастернак (Женева, изд-во «Poesie vivante»). Последней работой Лидии была подготовка новых переводов для двуязычного издания стихов Бориса Пастернака (М., 1990). Архив Лидии Леонидовны хранится в ее доме в Оксфорде.

Жизнь ее сложилась совсем непросто.

Она сама растила своих четверых детей, Слейтер как врач работал в военных госпиталях, а в последний год войны он оставил семью, передав дом в распоряжение жены. Гордый и независимый характер помогал ей переносить невзгоды – боль и горе переливались в стихи. Недаром одна из ее поэтических книг, изданных в России, носит название «Жестокость бытия неотразима».

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство...

Это стихотворение Бориса Пастернака «Август», перевод которого Лидия, умирая, диктовала дочери Энн, по-русски выбито теперь на камне, под которым на кладбище в Оксфорде покоятся Леонид, Розалия, Лидия, Жозефина и Федор (муж Жозефины, ее кузен, носивший ту же фамилию) Пастернаки.

Подробнее о детях Лидии Леонидовны рассказал ее младший сын Николас Пастернак-Слейтер в интервью, данном в январе 2010 г. журналисту «Эха Москвы» литературному обозревателю Майе Пешковой (выборочный перевод мой. – Л. А.). Он разделил большую часть своей жизни между работой врача – специалиста в области гематологии, и автора публикаций научных и литературных переводов, в том числе произведений своего дяди Бориса Пастернака, ряда автобиографических эссе.

«У моей матери Лидии Леонидовны, – говорит он, – было четверо детей. Мой старший брат Михаил, Майкл, был профессором математики в Бристольском университете, теперь он в отставке, живет во Франции, – сказал Николас и продолжил: – Я сначала

изучал русский, немецкий языки и литературу, затем стал врачом. Закончив свою врачебную карьеру в Лондоне, я теперь тоже в отставке. Сейчас занимаюсь переводом переписки Бориса Леонидовича со своими родителями. Третья – это моя сестра Екатерина, тоже врач, психиатр в Оксфорде, так что в родительском доме живут четверо.

Четвертая из нас – это сестра Энн, для нас, когда мы по-русски говорим, то мы ее Лизой называем. Она тоже профессор Оксфордского университета по английской литературе.

Мы с сестрой очень близки, и вообще, все мы четверо – два брата, две сестры – очень близки друг другу. И мы с женой часто бываем в Оксфорде, навещаем Лизу, мою сестру, и конечно, смотрим произведения деда, которые в музее, – экспонаты меняются, это не всегда одни и те же картины, отчасти для того, чтобы все картины выставить рано или поздно, и отчасти, чтобы защищать картины от воздействия солнечных лучей. Я знаю произведения, которые там висят, и очень люблю их. И конечно, у меня дома тоже висит несколько его произведений».

Семейство Пастернак в Стэнфорде. 2010. Крайний справа – Петр Пастернак
Третий справа – Николас Пастернак-Слейтер

Далее Николас пояснил: «Часть дедовского дома в Оксфорде составляет исключительно музей. Остальное – это дом, квартира для моей сестры Лизы с мужем и их четверых детей. Теперь двое детей уже выехали, один сын – в Америку, дочь к нам в Лондон, а двое младших сыновей еще живут в Оксфорде».

Николас Пастернак-Слейтер в своих публикациях и выступлениях уделяет много внимания лирической поэзии своей матери, писавшей на русском, немецком и английском языках.

Итак, наша гостья, Энн Пастернак-Слейтер – профессиональный литературовед и переводчик, выпускница колледжа Св. Анны, работавшая научным сотрудником и преподавателем этого колледжа в Оксфордском университете. Энн Пастернак-Слейтер читала курс лекций о переводах ее дяди Бориса Пастернака пьес Шекспира на русский язык. Она перевела на английский «Исчезнувшее настоящее», воспоминания другого своего дяди, архитектора Александра Пастернака (1893-1982), а также произведения Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича» и «Хозяин и работник». Она подготовила четвертое полное издание произведений современника Шекспира, английского и валлийского поэта и писателя Джорджа Герберта (1593-1633) на английском языке, пересмотрев многие позиции предыдущих редакций. («Народная библиотека», издательство «Дэвид Кэмпбелл», 1995), а также новое издание произведений английского писателя-сатирика Ивлина Во (1903-1966).

Еще одна работа Энн – «Театральная иконография Шекспира».

В октябре 2006 г. она приняла участие в международной конференции «Шекспировские чтения – 2006» в Москве, на кафедре зарубежной литературы Государственного института искусствознания.

Ее супруг – Крейг Рейн, английский поэт и критик. Удалось узнать об одной из дочерей Энн и Крейга. Нина Рейн, еще одна правнучка Л.О. Пастернака, многообещающий драматург, пьесы которой поставлены рядом британских театров. Она удостоена престижной премии «Evening Standard» (30000 фунтов стерлингов) за пьесу «Кролик».

Источники сообщают также, что на сцене RSC в Стратфорде-на-Эйвоне состоялась премьера пьесы братьев Дурненковых

«Пьяные» в постановке лидера новой британской драмы Энтони Ниэльсона, проект имел огромный успех у публики и самых влиятельных критиков и журналистов. «Пьяные» – дикая история о провинциальном городке, в который возвращается герой – контуженный солдат чеченской войны – поставлена в брехтовском ключе: жесткая и поэтичная, полная резкого черного юмора и пронзительно-лирических сцен. В полном смысле шекспировский принцип рождения пьесы предшествовал всей работе – коллективной по духу, где уже написанный текст подвергся сильнейшей адаптации. Далее говорится: «Автор перевода – потомок Бориса Пастернака, известный режиссер Нина Рейн – попыталась найти исключительно британские аналогии к русским реалиям. Судя по взрывам хохота и внезапным зонам тишины в зрительном зале, ей это прекрасно удалось».

Энн (Лиза) Пастернак-Слейтер в Одессе

На сайте Евразийского журнального портала «Мегалит» из занятного интервью Валерия Печейкина (российский драматург, сценарист, журналист, лауреат премии «Дебют») узнаем, что лондонский театр «Royal Court» заинтересовала его пьеса «Net», переводчиком и режиссером которой также выступила Нина Рейн. Автор был на репетиции и пытался, размахивая руками и напевая Шостаковича, объяснить британским актерам, что он имел в виду. Актеры сидели на стульях и читали текст по-английски. Просьба автора прочесть его с другой интонацией, встать и походить, привела всех сначала в вежливое негодование, а затем – в открытое. В результате они с режиссером Ниной Рейн поругались. Она объяснила, что в контракте сказано, что актеры могут только

сидеть на стульях и читать текст с минимальным выражением, так как это не настоящая репетиция. После этого актеры развеселились, и автору стало многое понятно про собственный текст. Они с Ниной помирились: она узнала, чего он хотел, а он узнал, что она родственница Бориса Пастернака.

Очевидно, Нина Рейн и есть та самая племянница Николааса Пастернака-Слейтера, одна из четырех детей Энн и Крейга (четверо детей в семье – просто традиция поколений семьи Пастернаков), упомянутая им в вышеприведенном интервью, которая переехала к нему в Лондон.

Судя по данным, которые мне удалось раздобыть, у этой четы, Энн и Крега, среди четырех упомянутых Николасом детей есть еще сын, которого старшая сестра Нина называет Васькой. Встречается еще указание «самый преданный ее читатель двадцатидвухлетний брат Нины Моисей Рейн» (перевод мой. – Л. А.), хотя, не исключено, что это и есть тот самый Васька.

Как рассказала Энн Пастернак-Слейтер, это ее второй приезд в Одессу, впервые она побывала здесь в 1960 г.

Музей в доме деда на ул. Таун-Парк в Оксфорде, в котором живет внучка Пастернака, открыт для широкой публики. Когда мне в 2006 г. довелось побывать в Оксфорде, я, к глубокому сожалению, не знал о такой возможности, а английские гиды не обратили нашего внимания на этот (по их терминологии) «объект».

Еще одна гостя на церемонии открытия мемориальной доски – Елена Леонидовна Пастернак, дочь младшего сына Бориса Пастернака и его второй жены Зинаиды Николаевны Еремеевой-Нейгауз и, соответственно, правнучка Л.О. Пастернака. Леонид Борисович Пастернак (1938-1976) по профессии физик. Работал в группе, руководимой Б.К. Севастьяновым, и был соавтором значительного числа его работ по спектроскопии ряда активированных кристаллов в возбужденном состоянии. Воспоминания друзей и коллег по лаборатории создают четкое впечатление о нем как о человеке, одаренном многими талантами, которыми он был обязан и воспитанию в традициях семьи знаменитых деда и отца – Леонида Осиповича и Бориса Леонидовича Пастернаков. Но в нем были и черты матери Зинаиды Николаевны – мягкая красота и изящество, трудолюбие, внутренняя сдержанность и ровность

в отношениях, доброта к людям. При общении в Лёне, как его называли друзья, абсолютно отсутствовало, по крайней мере внешне, осознание своей очевидной избранности. Он был большим мастером пера и, кроме того, декламировал наизусть поэтические произведения большого объема. Он был умно, изящно и воспитанно прост, незлобив, никогда не раздражался. Элегантно одевался. Если его что-то задевало, в нем проглядывал немного обиженный большой ребенок. Мать Елены Пастернак – Наталья Анисимовна. Ее девичья фамилия мне неизвестна.

Леня Пастернак был очень способным человеком, легко схватывающим на лету многие вещи. Он мог выразить себя во многих областях и отличался готовностью самозабвенно работать. Но самой сильной стороной, кроме понимания людей, было абсолютное ощущение слова и умение им пользоваться. Он обладал мягкозвучным и хорошо поставленным голосом с интонациями Бориса Пастернака. Осложнения в судьбе отца не обошли и его. Он рассказывал, что какие-то люди забрасывали его камнями, когда Пастернаку была присуждена

Л.Б. Пастернак

Н.А. Пастернак

Нобелевская премия. Таким высокодуховным людям, считают авторы воспоминаний о нем, трудно жить в миру.

Многим Пастернакам было суждено долгожительство, но слишком рано, на 39-м году, оборвалась жизнь этого незаурядного человека.

После смерти Бориса Леонидовича его сыновья приняли совместное решение о том, что Евгений Борисович с семьей опекает литературное наследие и переписку, а семья Леонида Борисовича занимается хранением переделкинского дома, впоследствии – музея Б.Л. Пастернака. Поднявшаяся в свое время на Западе и в общественном мнении волна протестов защитила дом К.И. Чуковского от уничтожения и помешала Литфонду поселить в доме Пастернака предполагавшегося очередного писателя. Дом несколько лет простоял пустым и незадолго до столетнего юбилея Пастернака был передан на баланс Литературного музея для устройства в нем мемориальной экспозиции.

Вплоть до своей смерти в 2012 году жена Леонида Пастернака, Наталья Анисимовна, была директором музея. Хранителем музея в настоящее время является наша гостья Елена Леонидовна.

Дом-музей Пастернака в Перedelкинe

Кстати, в одном из своих интервью Наталья Анисимовна напомнила, что формально Нобелевская премия присуждена Борису Пастернаку не за роман «Доктор Живаго». Решение Шведской академии гласит: «За выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и продолжение великих традиций великой русской прозы».

Беседуя о содержании своей деятельности с двоюродным братом Генрихом Нейгаузом-младшим, постоянно живущим в Израиле, Елена Леонидовна сказала: «У меня очень удобная, «эластичная» профессия. Я и переводчик, и преподаватель, и лингвист. В общем – университетский человек. Это значит, что наполовину моя профессия – учить студентов французскому языку, и на другую половину – писать научные всякие штуки по французской философии и языкознанию семнадцатого-восемнадцатого веков. Иногда мне удается поработать для телевидения в качестве автора сценария документального кино. За все, что я успела поработать во всех областях, ставлю себе твердую «четверку» – без стеснения и кокетства».

«Дачников привлекают в Переделкино живописная местность и густой и тенистый лес, в котором много грибов и ягод». В свое время эти скучные строчки из советского справочника вызывали у маленькой Лены трепетную радость, почти восторг, «...потому что в них было предвестие будущей переделкинской жизни, нашего дома, детства моего отца и моего детства». Внучка поэта, не знавшая живого Пастернака, продолжает: «Я некоторые вещи переживаю очень болезненно – мне действительно просто физически больно читать некоторые письма. Поэтому, что касается моей позиции как потомка Пастернака, то я бы не публиковала большую часть того, что опубликовано. Слишком Пастернак в них подлинный, слишком незащищенный».

Сегодня Е.Л. Пастернак – доктор филологических наук, профессор филфака МГУ им. Ломоносова. Она ведет практический курс французского языка и специальный курс истории французской лингвистики, а также читает лекционный теоретический курс стилистики французского языка. Является автором 50 научных статей и двух монографий: «Риторика Лами в истории французской филологии» и «Формирование основных направлений

Елена Леонидовна Пастернак

французской лингвистической мысли XVIII века». По ее словам, она ощущает себя еврейкой, хотя имеет для этого «ровно 50% оснований», и равно близкой Пастернакам и Нейгаузам.

Она очень любит Израиль, где бывала неоднократно. Непростой вопрос об отношении Б.Л. Пастернака к еврейству она не считает важным для «пастернаковедения». Музыкой занимается на уровне «хорошо, что могу дома играть себе самой», хотя училась у незаурядных педагогов.

Третий гость церемонии в Одессе, Петр Евгеньевич Пастернак, один из трех детей

старшего сына Б.Л. Пастернака от его первого брака с Евгенией Владимировной Лурье – Евгения Борисовича, который считал расставание родителей в 1931 году самым большим горем в своей жизни. Мать Петра Пастернака – Елена Владимировна Пастернак (Вальтер).

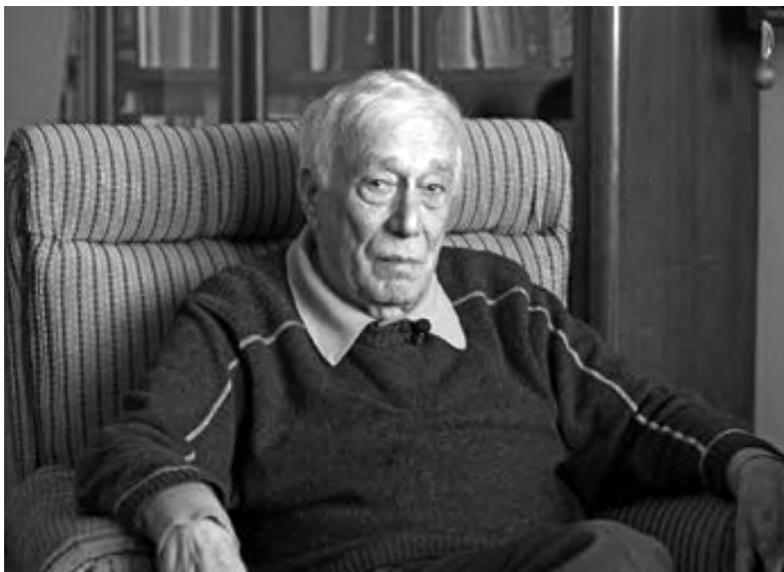
Рассматривая эту ветвь древа семьи, отметим, что Евгений Пастернак (1923-2012) с 19 лет, с 1942 по 1954 гг., служил в Вооруженных Силах, участник Великой Отечественной войны. В 1946 окончил Академию бронетанковых и механизированных войск по специальности инженер-механик по электрооборудованию и системам автоматического управления, кандидат технических наук. С 1954 по 1975 годы – старший преподаватель факультета автоматики и телемеханики Московского энергетического института, откуда, как он сам вспоминал, его фактически выгнали за то, что он проводил в аэропорту Шереметьево жену и сыновей А.И. Солженицына, отбывавших для воссоединения с отцом, изгнанного из СССР.

Как рассказывает сын Е.Б. Пастернака Петр, Борис Леонидович в свое время отвалил Евгения Борисовича от желания быть

гуманитарием. Он считал, что в то страшное время любая гуманитарная деятельность была связана с политикой, подлостью и враньем. И был совершенно прав. Но отцу все же пришлось им стать как раз из-за политики, подлости и вранья.

С 1960 г. Евгений Борисович на профессиональном уровне занимается историей литературы, текстологией, становится специалистом по творчеству Бориса Пастернака. С 1976 – научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР (РАН). Он составитель и комментатор первого полного 11-томного собрания сочинений Пастернака, вышедшего пятитысячным тиражом в издательстве «Слово» (октябрь 2005). Постоянный участник и докладчик на научных конференциях, посвященных творческому наследию Пастернака.

В начале восьмидесятых годов стало очевидным, что запреты на издание книг Бориса Пастернака только усиливают интерес к нему и увеличивают поток его публикаций на Западе. Некоторая коммерциализация издательств толкала их на попытки

Евгений Борисович Пастернак

добиться разрешения печатать произведения писателя. Уже в конце 1981 г. Евгений и его жена Елена, вместе работавшие над наследием Бориса Леонидовича, сдали в издательство «Советский писатель» сборник прозаических работ Бориса Пастернака, названный «Воздушные пути». Евгений Борисович долго и внимательно подбирал к сборнику иллюстрации, для них были использованы наброски Леонида Пастернака, и этот опыт наглядно показал, как кровно близки были отец с сыном самим духом своего творчества.

С приближением горбачевской «перестройки» все поняли, что работа над пастернаковским архивом – не так уж факультативна, и уже в 1985 году вышел довольно полный двухтомник в «Художественной литературе».

Многие издательства чувствовали, что приближающийся столетний юбилей поэта откроет так долго и крепко завернутые краны, родителям Петра было поручено готовить пятитомное собрание сочинений. «Советский писатель» заказал Евгению Борисовичу биографию его отца. И та, и другая работы шли медленно, параллельно печатались многочисленные журнальные публикации. Наконец в 1987 году Сергей Павлович Залыгин, главный редактор «Нового мира», отважился печатать роман «Доктор Живаго» и получил на это разрешение. Итальянский «фельтринеллиевский» копирайт на текст романа требовал внимательнейших сверок для выявления более поздней авторской правки. Роман вышел в первых четырех номерах 1988 года. В 1989-м, несмотря на онкологическую операцию, чудом прошедшую успешно, Евгений Борисович дописал и сдал книгу «Борис Пастернак. Материалы к биографии» – почти 700 страниц авторского текста содержали все известные на то время сведения о жизни и творчестве писателя.

В последующие годы книга была дополнена обнаруживавшимися (в связи с изучением семейного архива в Оксфорде и открытием спецхрановских архивов) документами и была затем дважды переиздана.

Следующей серьезной работой Евгения Борисовича стала книга переписки Бориса Пастернака с его первой женой Евгенией Владимировной. Эту работу он считал исполнением очень важно-

го долга перед своей матерью, поскольку именно ее связанность с Борисом Пастернаком и его никогда не прерывавшаяся забота о ней избавили ее от необходимости всерьез заботиться о своей социальной карьере и, несмотря на очень высокий профессиональный уровень ее работ, она не заняла подобающего ей места в списке исторически значимых имен художников-сверстников.

Евгений Пастернак выступал с лекциями в ряде европейских университетов и ведущих университетов США. Общее число его печатных работ, посвященных жизни и творчеству Пастернака, его отношениям со знаменитыми современниками, достигает двух сотен. Под его редакцией вышло еще несколько изданий собраний сочинений поэта, а также переписка, сборники, воспоминания и материалы к биографии Б.Л. Пастернака. Именно он явился автором первой полной отечественной биографии Б.Л. Пастернака, созданной на основе богатейшего эксклюзивного архивного материала, прежде всего, из бережно сохраненного семейного архива. Приезжавшие в Москву западные исследователи творчества Пастернака неизменно обращались за помощью и консультациями к Евгению Борисовичу. После такого рода посещений, иной раз длившихся месяцами, в разных странах появлялись диссертации и книги таких авторов, как Кристофер Барнс, Катерина О'Коннор, Мишель Кутюрье, Ангелика Майер, Элиот Моссман, Мария Лекич, Анна Юнггрен.

9 декабря 1989 года в Стокгольме Евгению Пастернаку были вручены диплом и медаль нобелевского лауреата, присужденные его покойному отцу.

Главным и наиболее содержательным источником информации о сыне Евгения Борисовича, Петре Евгеньевиче Пастернаке, для меня стали несколько его интервью, а среди них – прежде всего то, что он дал Катерине Кронгауз из «Московских новостей». Складывается впечатление о незаурядном, очень своеобразном человеке. От художника, выставившего на благотворительный аукцион картину, названную «Три маленьких китайца играют на контрабасе норвежскую песню», можно ожидать любых сюрпризов. А разве они, незаурядные, бывают не своеобразными?

Петр – единственный из четырех внуков Бориса Леонидовича, родившийся при его жизни. Часть своего интервью

он передал корреспонденту в письменном виде. Вот что он сам написал о себе:

«Я, Петр Евгеньевич Пастернак, родился 13 ноября 1957 года в семье преподавателя физики и студентки Классического отделения филфака МГУ. С четырнадцати до девятнадцати лет я учился живописи у замечательного художника Бориса Георгиевича Биргера. Потом поступил на художника-постановщика в Школу-студию при МХАТе. Я никуда не хотел, то есть не знал, куда поступать. Родители нашли знакомых в институте МХАТа. Там есть постановочный факультет...»

«Дальше, – сказал он – там по бумажке прочитай – все написано».

«Служил в Алабинском кавалерийском полку, из них три месяца эскадронным писарем, демобилизован рядовым». И далее: «Армия – самое ужасное время. Эти полки никому на самом деле не нужны. Людям абсолютно нечем себя занять, они от этого звереют, а ты все время только и думаешь, сможешь или нет к родителям на выходные поехать...»

Постоянно поглядывая на часы, он продолжил рассказ. Отвечая на вопрос о причине своего ухода из театра Марка Розовского, где он два года проработал главным художником, Петр Евгеньевич сказал, что совершенно не умеет работать с людьми, ему скучно присутствовать при рождении истины в споре, хотя он легко и быстро понимает, чего от него хочет конкретный заказчик. Без малейшего перерыва в стаже был принят в небольшую театральную группу «Товарищество актеров и музыкантов», в широкой деятельности которой прошли последующие шесть лет. Он рассказал также, что легенда о несметных «пастернаковских деньжищах» связана с Нобелевской премией деда. Хотя те, кто по-настоящему интересуются его творчеством и жизнью, знают: Борис Леонидович под давлением вышестоящих властей отказался от нобелевки. И премиальные он не получал! Единственное, он, как и все наследники деда, время от времени получает небольшие доходы от переизданий его трудов. За что ему бесконечно благодарны. «А я человек небогатый, так что...»

В отличие от деда и прадеда, он не считает себя художником, творцом, хотя работа его и связана с неким креативом. Петр занимается дизайном интерьеров в клубах. При этом работает

в малых формах (как у Шекспира, объясняет Петр) – куча деревянных балок и крошечная сцена вроде шкафа. Два портала, как возрожденческий театр, и на полках куклы. Ему хотелось, чтобы посетитель запутался в том, *кто же настоящего размера: театр с маленькими куклами или люди, которые туда пришли.*

Строить клубы – очень прибыльное дело. Но не для Петра Пастернака. Он не умеет зарабатывать, считая, что это скучно. Иногда он делает только макеты для заказчиков. Ему предлагают большие деньги, если он возьмется все это еще

и построить. Но он отказывается, потому что это тоже скучно.

В его комнате много абсолютно непонятных вещей. Он называет это «мшелоимством», привычкой, характерной для монахов-келейников. «Все, что мне нравится и что у меня есть, в принципе, никому не нужно», – говорит он.

Российские СМИ свидетельствовали, что Петр Пастернак, *нигде постоянно не работающий строитель*, – культовый персонаж современности, который, создав абсолютно новую клубную культуру и построив около десяти лучших клубов Москвы («Белый таракан», «Кризис жанра», «Вермель», «Пропаганда», «Проект ОГИ», «Китайский летчик Джао Да», «Дом Кукера»), живет в квартире на Тверской с обваливающимся потолком и ездит на уазике.

«Занимаясь архивами деда, разбирая редкие фотографии, письма, дневники, – говорит Петр в другом интервью, – я выстроил для себя такой сильный его образ, что любые детские воспоминания померкли бы перед ним».

Скромность его представляется искренней. Он говорил: «Никакой я не знаменитый, просто никуда не продвинувшийся

Петр Евгеньевич Пастернак

художник. Моя необычная манера оформления клубов – результат странной и не очень цветущей карьеры. Громкая фамилия деда сильно помогала. Долгое время я думал, что это не так, но лет в 45 понял, что с другой фамилией моя жизнь складывалась бы не так легко. Куча народу с гораздо большими способностями или спилась, или нищенствует, или свалила за границу. Эмигрировать я никогда не собирался. Из моих недавних зарубежных работ – клуб в Которе, в Черногории».

Петр Евгеньевич рассказал, что в 1979 году они с отцом Евгением Борисовичем приезжали в Одессу, выписав с конвертов одесские адреса, ходили, искали их. Но все было не похоже на правду, не сходилось. И, как оказалось, не без оснований, потому что сместилась нумерация домов. «И то, что наконец удалось установить точный адрес нахождения этого дома, очень хорошо, – говорит Петр Пастернак, правнук Леонида Пастернака, внук Бориса Пастернака. – Мы выражаем огромную благодарность Михаилу Борисовичу Пойзнеру за увековечение памяти нашего прадеда. Для нас это очень важно, как, надеюсь, и для города, и для одесситов».

Не могу не отметить подтверждаемое приведенными фото огромное внешнее сходство Евгения Борисовича с отцом. Петр Евгеньевич тоже очень похож на деда в молодости, и в свои 57 лет, несмотря на седину в черной шевелюре, стриженной «в кружок», выглядит не более чем тридцатилетним.

Мы не касаемся здесь двух не менее интересных, ярких представителей этой славной семьи – старшей дочери и младшего сына Леонида Осиповича и Розалии Исидоровны, Жозефины (подомашнему – Жони) (1900-1993), доктора философии, тонкого и глубокого поэта и переводчика, стихами которой восхищался Борис Леонидович, страстного собирателя творчества отца и брата, и Александра (1893-1982), крупного архитектора и литератора.

Я назвал этот очерк «Великие и большие». Думается, что читатели без колебаний согласятся, что отнюдь не «маленькие» все эти многочисленные потомки рожденного в нашем городе великого художника Леонида Пастернака. Достойные славных предков. Большие. Очень большие...